

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ И.Е. АНИЧКОВА¹

Профессор Игорь Евгеньевич Аничков (1896—1978) был оригинальным крупным мыслителем — философом, богословом, литературоведом и лингвистом. В последней области его перу принадлежат работы по общей лингвистике, английской филологии и методике преподавания иностранных языков.

Опубликование исследования И.Е. Аничкова "Идиоматика и семантика" непосредственно следует за публикациями Д.С. Лихачева "О готовящемся издании трудов по языкознанию И.Е. Аничкова" и Ю.Д. Апресяна "О работах И.Е. Аничкова по идиоматике", помещенными в настоящем журнале (№ 6 за 1989 г.). В последней статье рассмотрены, в частности, основные идеи предлагаемой ниже публикации, мои примечания к которой содержат поэтому отсылки к указанной работе.

В публикуемом исследовании И.Е. Аничков

1) выдвинул и обосновал новую лингвистическую науку — "идиоматику", которая должна изучать сочетания слов, в отличие от синтаксиса, который изучает сочетания форм слов;

2) выдвинул и проиллюстрировал положение, что любое слово в языке на каждом определенном этапе его развития так или иначе ограничено в своем употреблении, т.е. что абсолютно свободных сочетаний слов в языке не существует; что поэтому так называемые свободные словосочетания должны изучаться в рамках идиоматики наряду с любыми другими типами словосочетаний, вплоть до самых идиоматичных;

3) предложил иерархически упорядоченную номенклатуру лингвистических наук с неизменным порядком: фонетика — морфология — синтаксис — идиоматика — семантика.

В русской лингвистике нет, по-видимому, другой работы, которая бы в столь сжатом виде (около 18 машинописных страниц, из которых семь занимают французские, английские и русские примеры) содержала такое число фундаментальных теоретических положений. По справедливой оценке Ю.Д. Апресяна, "это была в высшей степени оригинальная, стройная и глубокая теория, намного опережавшая свое время" (названная статья, с. 105).

Сказанное тем более примечательно, что это была первая лингвистическая работа 29-летнего автора (до этого в течение пяти лет — два года в Красноярске и три — в Петрограде — преподававшего английский язык), не имевшего высшего лингвистического образования.

И.Е. Аничков окончил в 1915 г. философское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. Октябрьская революция лишила глубоко религиозного ученого возможности заниматься науками, которые его тогда более всего интересовали, а именно, философией и богословием. Вспомним судьбу высланных из России по приказу В.И. Ленина в 1922 г. философов Бердяева, Лосского, Франка и др. И.Е. Аничков сделал лингвистику и преподавание английского языка своей "официальной" профессией, продолжая заниматься философией и богословием в свободное время.

¹ Фактический материал настоящей публикации основан на хранящемся у меня лингвистическом архиве И.Е. Аничкова. Я благодарю всех, кто так или иначе помог мне при подготовке публикации — Ю.Д. Апресяна, Е.Е. Корди, Д.С. Лихачева, Е.А. Реферовскую, С.Е. Яхонтова.

Сочетание глубоких философских знаний, в частности, в области классификации наук, владение тремя языками как родными (И.Е. Аничков в детстве около 10 лет провел во Франции, Англии и Швейцарии, получив среднее образование на французском языке), смелость и нестандартность мышления, с одной стороны, и, как сказано, невозможность зарабатывать на жизнь профессией, приобретенной в университете, с другой, способствовали, парадоксальным образом, созданию Игорем Евгеньевичем его оригинальной классификации основных лингвистических наук в их взаимном соотношении.

Содержание предлагаемой ниже публикации было доложено молодым автором 66 лет тому назад — 5 декабря 1925 г. в Ленинграде на заседании лингвистической секции Института научной педагогики под председательством проф. Л.В. Шербы. Тогда же Игорем Евгеньевичем был впервые предложен термин "идиоматика" для названия выдвинутой им новой лингвистической дисциплины. До этого времени существительного "идиоматика" в русском языке не существовало, как его нет до сих пор в ряде европейских языков, например, судя по словарям, в английском и французском².

Публикуемая "записка" (так эту работу называл сам автор) была написана на французском языке в начале 1927 г. и послана с оказией в июле 1927 г. Антуану Мейе как одному из крупнейших лингвистов мира. Получив статью 14 января 1928 г., Мейе сразу же пишет ответ, где, в частности, отмечает, что работу прочитал "с живым интересом" (письмо А. Мейе в переводе самого И.Е. Аничкова и русский оригинал письма последнего прилагаются).

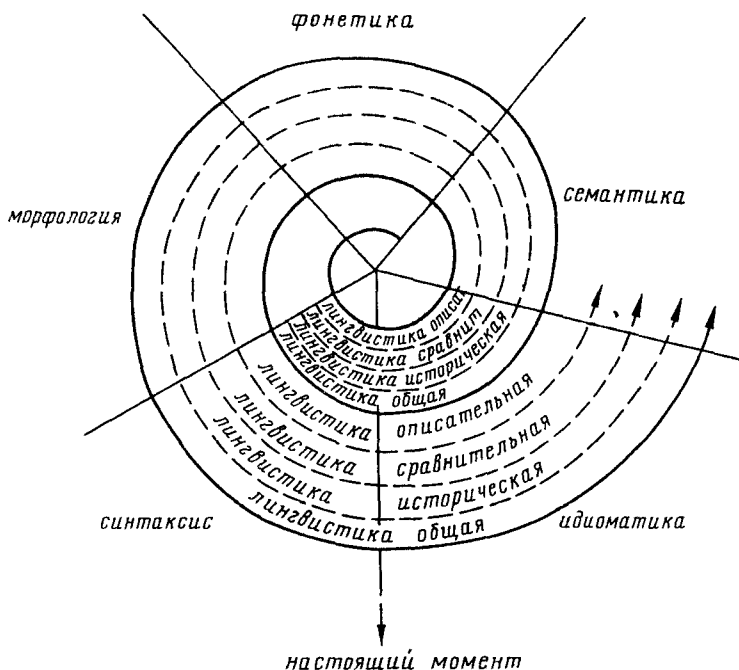
В 1927 г. с "запиской" И.Е. Аничкова ознакомились академики (или будущие академики) С.Ф. Ольденбург, Н.Я. Марр, И.И. Мещанинов, Л.В. Шерба, В.Ф. Шишмарев. Все они положительно отозвались о записке, а Н.Я. Марр даже выхлопотал для И.Е. Аничкова кабинет идиоматики в Институте языков и литератур Запада и Востока, где он сам был руководителем лингвистического отделения. Привожу несколько строк из его отзыва от 12 августа 1927 г.: «Образчик предпринятого тов. Аничковым ... труда, предложенный мне в изложении на французском языке под заглавием "Idiomatique et sémantique", привлекает к себе свежестью темы и жизненностью. Постановка правильная, захватывающая одновременно интересы теоретические и практически... Труд т. Аничкова ... заслуживает поощрения и, прежде всего, опубликования».

И.Е. Аничкову не удалось ни опубликовать свою методологическую работу (первая статья по идиоматике была опубликована лишь через 31 год после ее написания³), ни возглавить кабинет идиоматики: в начале февраля 1928 г. по ложному обвинению он был арестован и отправлен на три года в Соловецкий лагерь⁴, а в 1932 г. осужден на шесть лет административной ссылки в северные

² В первом издании БСЭ (1933, т. 27, с. 474) есть статья "идиоматика", написанная Н.Я. Марром, однако толкование этого понятия не совпадает с толкованием И.Е. Аничкова.

³ См.: Аничков И.Е. О классификации, определениях и названиях частных языковедческих наук // Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. 1958. Т. 181. Вып. 3.

⁴ По недоразумению он оказался "однодельцем" Д.С. Лихачева. Об их пребывании на Соловках упоминает А.И. Солженицын в книге "Архипелаг Гулаг" (см. "Новый мир", 1989, № 10, с. 90). В лагере И.Е. Аничков не оставил лингвистику. Д.С. Лихачев рассказывает: «На Соловках в 13-й карантинной роте мы несколько дней работали на "общих работах". Нам выпала сравнительно легкая, но очень противная работа — возить на башнях санках свиной навоз. Игорь Евгеньевич и здесь был своеобразен. Подчинялись мы плюгавому мужичонке, который обладал должностью заведующего двором Соловецкого сельхоза. Помню отчетливо, как в упражке "врядлов" ("временно исполняющих должность лошади") Игорь Евгеньевич громко рассуждал на тему — следует ли склонять сокращение "завдвор", которое наш начальник с гордостью носил: "завдвору", "завдвором", "завдворомой" (предлагались особые формы для завдвора-женщины) и т.д. Впоследствии на тех же Соловках я под влиянием идеоматической концепции Игоря Евгеньевича написал "феноменологию вопроса": я включил в нее все сочетания, в которые обычно входит слово "вопрос" (вопрос "встает", "ставится", "решается" и т.д. — несколько десятков сочетаний, особенно обычных в бюрократическом языке) и расположил их в порядке предполагаемой жизни "вопроса". Получилась довольно забавная "история", которой Игорь Евгеньевич весело смеялся, не делая поправок» [Д.С. Лихачев, С.С. Зилитин-кевич, В.П. Недалков. "И.Е. Аничков. Биографический очерк" (в печати)].

области (Сыктывкар и Ростов). В 1938 г. И.Е. Аничков возвращается в Ленинград и работает в Первом Ленинградском педагогическом институте иностранных языков.

К этому времени "заметка" оформляется в кандидатскую диссертацию "Идиоматика в ряду лингвистических наук" (38 страниц машинописи без примечаний), которая была представлена к защите в 1938 г. В этом же году, высоко оценив работу И.Е. Аничкова, Л.В. Щерба, в частности, писал в отзыве: "И.Е. Аничков убедил меня ... в теоретической важности того, что он называет идиоматикой". Однако защитить диссертацию удастся лишь в 1944 г. Выступая официальным оппонентом на защите И.Е. Аничковым кандидатской диссертации, Л.В. Щерба заявил: «Нашему суждению подлежит небольшая работа теоретического характера, автор которой пытается обосновать идиоматику как особую часть науки о языке... Надо прежде всего сказать, что автор исходит из несомненных и очень интересных фактов, мимо которых ученые проходили, не обращая на них должного внимания, и которые он сумел собрать и сопоставить... И.Е. Аничков постулирует необходимость особой части описания всякого языка под названием "идиоматика", где бы точно указывалась сочетаемость в данном языке отдельных слов друг с другом по смыслу, в противоположность синтаксису, где описываются сочетания форм слов. Все это совершенно непререкаемо. И тов. Аничкову принадлежит честь первым высказать все это совершенно членораздельно и обоснованно. Это признал в свое время и покойный Мейе...».

Защитив в 1948 г. все в том же Московском университете докторскую диссертацию на тему "Английские адвербиальные послелоги", И.Е. Аничков все еще не имел ни одной печатной работы. Он делает в последующие годы ряд попыток опубликовать под различными названиями основные положения своей идиоматики то в каких-либо ученых записках, то в "Известиях ОЛЯ" АН СССР, то в "Вопросах языкознания", но сталкивается с большими трудностями. По-видимому, здесь действовало в комплексе несколько факторов: необычность поведения и необычность изложения своих мыслей в статьях, предлагаемых к публикации, прогрессирующее падение духовного уровня нашего общества,

в частности, научного, и связанное с этим равнение на научно-командные авторитеты.

Некоторые положения идиоматики, в частности, отрицание принципиальной границы между свободными словообразованиями и фразеологизмами, противоречили той концепции фразеологии, которая была сформулирована Ш. Балли и развита В.В. Виноградовым в середине 40-х годов. И.Е. Аничков считал, что классификация В.В. Виноградова³ "не только не осуществлена, но и неосуществима. Ни между так называемыми свободными и так называемыми несвободными, или связанными, словосочетаниями, ни между тремя разрядами так называемых связанных словосочетаний нельзя провести хоть сколько-нибудь четкие границы". Ответом В.В. Виноградова была отрицательная позиция по отношению к теории И.Е. Аничкова.

Интересно отметить, что если в 20-е годы почти все ведущие лингвисты (в том числе Н.Я. Марр и И.И. Мещанинов) поддерживали теорию никому не известного молодого ученого и рекомендовали ее к публикации, то теперь, в 50-е годы, профессору доктору филологических наук И.Е. Аничкову приходится гораздо труднее добиваться признания его теории, не говоря уже об ее опубликовании. При этом — по иронии судьбы — мешают ему люди, которые вошли в историю нашей лингвистики как личности либеральные.

И дело здесь, по-видимому, не только в тех факторах, которые были названы выше. Большую роль сыграла, наверное, принципиальная новизна, необычность теории И.Е. Аничкова, что обрекало ее на непонимание даже в среде тех лингвистов, которые положительно относились к нему в личном плане. Он приобретал репутацию чудака, фантазера и вообще несерьезного человека, своего рода однозной фигуры и путаника. Часть аудитории нередко встречала его выступления ухмылками.

Приводимые факты призваны не заклеить задним числом людей, не понимавших или не хотевших понять теорию И.Е. Аничкова, но лишний раз напомнить о необходимости бережного подхода к новым идеям: слишком большой урон был понесен в недалеком прошлом нашей наукой и обществом из-за интеллектуальной нетерпимости.

Пытаясь привлечь внимание лингвистов "высшего эшелона" к своей теории, И.Е. Аничков делает 24 февраля 1956 г. доклад о теории словосочетаний в Институте языкознания АН СССР на заседании секции общего и сравнительно-исторического языкознания Ученого совета. Судя по стенограмме, аудитория не смогла оценить пионерское значение теории И.Е. Аничкова, хотя все выступавшие отмечали, что у докладчика много интересного материала.

Признанию крупного методологического достижения И.Е. Аничкова препятствовала не только решительная новизна его идей, но и сам облик малоизвестного профессора со старомодной, независимой манерой поведения, не опубликовавшего ни одной статьи, но позволявшего себе уверенно критиковать лингвистов на высоких административных постах и претендовавшего на далеко идущие теоретические обобщения. Все это удивляло и даже шокировало людей, недостаточно хорошо знавших его.

С 1957 г. Игорь Евгеньевич работает в педагогическом институте на половине оклада, его стараются отправить на пенсию. Усугубляются материальные трудности. И.Е. Аничков претендует на вакантное (более того, персонально для него выделенное Президиумом Академии наук) место в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР, надеясь организовать здесь группу по изучению идиоматики. Однако его зачислению помешала характеристика,

³ Имеются в виду работы В.В. Виноградова: 1) Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Тр. юбилейной научной сессии Ленинградского ун-та. Секц. филол. наук. Л., 1946; 2) Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Академик А.А. Шахматов: Сб. статей и материалов / Под ред. Обнорского С.П. М.; Л., 1947.

в которой, в частности, говорилось, что он неосновательно претендует на научную инициативу в области идиоматики, тогда как "всем известно, что идиоматику основал В.В. Виноградов", и что И.Е. Аничков в основном "преподаватель-практик, хорошо владеющий английским языком, а не теоретик".

Надо сказать, что работы по лексической сочетаемости отвергались не только у И.Е. Аничкова, но и (позже) у других авторов. Здесь опять приходится констатировать часто наблюдаемую, к сожалению, драматическую ситуацию в науке — искреннее неприятие принципиально нового, непривычного.

Публикуемая статья И.Е. Аничкова имеет не только исторический интерес, она в значительной мере сохраняет актуальность и для настоящего времени. Об этом можно судить, например, по недавней книге М.М. Копыленко и З.Д. Поповой "Очерки по общей фразеологии" (Воронеж, 1989). Так, на с. 23 авторы утверждают: "Проблема сочетаемости слов, как лексической, так и синтаксической, — это тот новый ракурс рассмотрения языковых единиц, к которому с неизбежностью должны были прийти и пришли в результате изучения семантики фразеосочетаний фразеологи, лексикологи и синтаксисты". Можно, конечно, приветствовать то, что мы, наконец, пришли к проблеме лексической сочетаемости, но достойно сожаления, что мы не помним ученого, который еще 65 лет тому назад написал по данному вопросу, на мой взгляд, гораздо больше и лучше, чем это можно прочесть в разделе "Проблема сочетаемости слова" названной работы⁶.

Отбыв в молодости срок в Соловецком лагере и в ссылке, И.Е. Аничков до конца дней хранил в коридоре своей ленинградской коммунальной квартиры (Греческий проспект, 15, кв. 46) маленький чемодан с бельем — на случай возможных повторений. Грустно, что он не дожил до наших дней. Может быть, сейчас он бы убрал этот чемоданчик...

Недялков В.П.

© 1992 г. АНИЧКОВ И.

ИДИОМАТИКА И СЕМАНТИКА

(ЗАМЕТКИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ А. МЕЙЕ, 1927)¹

Я предлагаю называть идиоматикой науку о сочетаниях слов. Эта наука отличается от синтаксиса, рассматривающего сочетания форм слов.

Возьмем для примера три выражения — французское, английское и русское: *en liberté*, *at liberty* и *на свободе*, и три сочетания слов: *une montre avance*, *a watch gains* и *часы спешат*. С точки зрения синтаксиса, три первых выражения состоят из предлога и имени; для русского выражения следует отметить, что предлог *на* управляет местным падежом. Три других сочетания включают в себя имя-субъект и глагол-предикат, причем глагол-предикат согласуется по роду и числу с именем-субъектом. С точки зрения синтаксиса, *en liberté* "на свободе" идентично *en fuite* "в бегстве", *en prison* "в тюрьме"; *une montre avance* "часы продвигаются" не отличается от *une montre marche* "часы шагают" или даже от *une montre pense, écoute, pleure* "часы думают, слушают, плачут". Эти последние сочетания, хотя и лишены смысла, не являют собой никаких нарушений синтаксиса².

Совершенно иная точка зрения идиоматики. Для нее выражение *en liberté* состоит именно из предлога *en* и существительного *liberté*; выражение *une montre avance* — из существительного *montre* и глагола *avancer*. Сказать *à liberté*, как по-английски, или *sur liberté*, как по-русски, было бы нарушением идиоматики

⁶ В указанном разделе (с. 23—26) среди 40 упоминаемых авторов не находим имени И.Е. Аничкова.